

АРТЕМ ГОЛИКОВ

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

Артем Голиков
Темная Материя (сборник)

«ИП Гусев»

2015

Голиков А.

Темная Материя (сборник) / А. Голиков — «ИП Гусев», 2015

Первый сборник смешных и грустных, реалистичных и невероятных рассказов и стихов хорошо известного в Фейсбуке и Живом Журнале автора. Книга иллюстрирована специально созданными фото-коллажами московского художника Олега Бородина

© Голиков А., 2015

© ИП Гусев, 2015

Содержание

Часть 1	6
Популярное языкознание	7
Реабилитация	9
Курица или рыба	11
Второй разбойник	15
Темная материя	17
Татуировка	18
Парагвай	19
Командировка	23
Тайна имени	25
Прохладный мир	28
Офисная готика	30
Куас	37
Жестокий служебный	39
Пэкшотный художник	41
Почему мы уверены в качестве наших роликов	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артем Голиков

Темная Материя (сборник)

© Текст, комментарии. Артем Голиков. Москва. 2015

© Иллюстрации. Олег Бородин. Москва. 2015

© Treemedia Content Oy. Hartola. 2015

© ИП Гусев Л. Е. Москва. 2015

* * *

Автор и издатель выражают искреннюю признательность всем, кто помог выпустить эту книгу.

Особую благодарность адресуем:

Дмитрию Киселёву

Лесе Маглеванной

Роману Фирайнеру

Марии Шабат

Вадиму Богданову

Людмиле Баушевой

Алесе Казанцевой

Ирине Зверевой

Татьяне Мэй

Марте Кетро

Геннадию Смирнову

Ярославу Орлову

Алексею Чмелю

Наталье Ободовской

Каналу «Всё как у зверей» и лично Евгении Тимоновой, Андрею Кузнецову, Сергею Фененко

Рекламно-производственному агентству INDIVISION

Анастасии Литвиненко, Никите Тамарову, а также съемочной группе короткометражного фильма «Портфолио»

Большое спасибо, друзья, без вашей помощи мы бы не справились!

Часть 1 Осень

ЧАСТЬ 1
ОСЕНЬ

Популярное языкознание

Русский, французский и китайский лингвисты решили написать имена друг друга каждый на своем языке.

– Моя фамилия Ге, – сказал француз китайцу.

– В китайском языке два иероглифа Ге, но, к сожалению, ни один из них не подходит для фамилии.

– Почему?

– Потому что один имеет значение «колесо», а другой передает звук, с которым лопается мочевого пузырь осла.

– А что плохого в колесе?

– Мужское имя не может быть круглым, все будут считать тебя педиком. Для твоего имени мы возьмем иероглиф Шэ, означающий «клавиатура», «корнеплод», «страница», а также прилагательное «бесснежный» и дополним его иероглифом Нгу, означающим мужской род. В конце я пишу иероглиф Мо – «девственный».

– Но... это, мягко говоря, не совсем так...

– Никто не будет считать тебя девственником, просто без иероглифа Мо иероглифы Ше-Нгу означают «сбривающий мамины усы».

– Хорошо, теперь я напишу твое имя.

Моя фамилия Го.

– Отлично, я начну твою фамилию с буквы G.

– Что означает буква G?

– У нас, европейцев, сами по себе буквы ни хрена не значат, но, чтобы проявить к тебе уважение, я поставлю перед G букву H – во французском она все равно не читается.

– Отлично! Дальше O?

– Нет, чтобы показать, что G произносится как Г, а не как Х, надо после G поставить букву U, а также H – чтобы показать, что U не читается сама по себе, а только показывает, как правильно читать G, и буквы EY, показывающие, что слово не длинное и скоро кончится.

– Hguhey... дальше O?

– Нет, O во французском произносится как А или Ё, в зависимости от стоящих по соседству букв, ударения и времени года. Твое чистое O записывается как AUGHT, но слово не может кончаться на T, поэтому я добавлю нечитаемое окончание NGER. Вуаля!

Русский лингвист поставил бокал на стол, взял бумажку и написал «Го» и «Ге».

– И все?

– Да.

Француз с китайцем почесали в затылке.

– Хорошо, как твоя фамилия, брат?

– Щекочихин-Крестовоздвиженский.

– А давайте просто бухать? – первым нашелся китаец.

Русский кивнул, и француз с облегчением поднял тост за шипящие дифтонги.

Реабилитация

– Точно не будешь?

– Точно. Спасибо, мамочка.

Дверь холодильника открылась, и котлетку положили обратно в кастрюлю.

Еще теплая, перемазанная картофельным пюре, она встала у стенки, не зная куда себя деть. Другие котлеты оставили свои дела и уставились на нее.

Стало очень тихо.

Где-то далеко за пределами холодильника Маша открыла воду и стала мыть руки.

– Тебя что, не съели? – ужаснулся кто-то из задних рядов.

Перемазанная в картошке котлетка (ее звали Лиза) вместо ответа безвольно опустилась на дно кастрюли.

Коллектив заволновался, как ржаное поле.

– Невкусная... Она невкусная! Невкусная она! – понеслось над кастрюлей.

Кое-кто начал всхлипывать.

– Стыд-то какой, Господи! – большая котлета выступила вперед и строго посмотрела на Лизу. – Ты что, невкусная?!

Плечи у Лизы задрожали, и она горько заплакала.

– Нет! Я очень вкусная! – рыдала она, размазывая картошку по лицу. – Как вы можете так говорить? Я же из одного с вами теста!

– То-то и оно! – крупная котлета (а ее звали Наталья Павловна) давно недолюбливала Лизу, потому что считала выскочкой. Теперь, когда с Лизой случилось несчастье, Наталья Павловна испытывала злорадство, хотя и не хотела себе в этом признаться.

«Я пытаюсь быть объективной. В конце концов, теперь по ней будут судить обо всех нас!» – говорила она себе.

– Теперь по тебе будут судить обо всех нас, понимаешь!? – Наталья Павловна сделала еще шаг вперед. – Может, ты подгорела?!

– Подгорела!.. Подгорела! – залепетали котлеты, а Лиза, заливаясь слезами, только мотала головой.

– Как вам не стыдно? – это котлета Катя, известная своим прямым нравом и любовью к справедливости, протиснулась вперед. – Маша – ребенок, захотела – съела, не захотела – оставила! Что вы на Лизку насели? Подгорела! Да мы, если хотите знать, на противне рядом лежали, причем я ближе к краю, что, я тоже подгорела? Эх вы! А еще товарищи! Идите, займитесь-ка своими делами лучше!

– Нет, уж позвольте!

– Нет, не позволю!

Катя, хоть и ниже ростом, сердито наступала на Наталью Павловну, и большинство котлет было уже на ее стороне. Лиза плакала, считая себя непонятно в чем виноватой.

В это время дверь холодильника открылась, и продукты увидели Папу, который уже приготовил чистую хрустальную стопку. В коридоре виднелась корзина грибов. Папа достал бутылку водки, весело оглядел холодильник, выбирая, чем бы закусить, покосился на сухой лимон, заглянул в кастрюлю, обнаружил там котлеты и очень довольный прихватил двумя пальцами Лизу. Удерживая Лизу на весу, он скрутил пробку, плеснул себе водки, что-то покумекал и добавил еще немного, потом выдохнул, выпил, понюхал котлету и с удовольствием отправил ее в рот.

– Как тебе котлеты? – Мама разглядывала грибы, которые ей предстояло чистить.

– Божественные!

– Правда?

– Зачем мне врать?

– Машка что-то не стала есть... Правда, хорошие?

Вместо ответа Папа налил еще стопку, выпил и, показывая, как ему вкусно, закусил Катей.

От водки стало тепло и сонно.

Папа подогрел себе немного пюре и, уже не торопясь, обстоятельно, съел Наталью Павловну.

Курица или рыба

- Сколько нам лететь?
- Десять часов.
- А сколько мы уже летим?
- Полторы минуты... Ваня! Ваня!

Пока я отстегивался, Ванечка добежал до бизнес-класса и написал ангорскому шпицу-альбиносу, ввиду уникальности породы занимающему специальное кресло, прямо в черные доверчивые глаза.

– Что ж у вас ребенок с голой писей? – крупный добрый бизнес-мужик укоризненно протирал шпица ветошью со стразами.

– Не признает одежды. Не можем совладать.

Тем временем Ванечка ужом прополз под креслом через колоннаду пассажирских ног и перевел селектор в положение «ручное».

Когда самолет выровнялся, соседняя ангорская женщина, похожая на леопардовый пудинг, сказала, что нам следует больше внимания уделять воспитанию детей.

Вместо ответа жена сняла с багажной полки рюкзак и надела его себе на голову.

Ванечка наступил ножкой в пюре, потом в айпад, потом Маше на лицо.

Ванечка добросил до леопардовой женщины оладьем.

Ванечка встал на спинку и зацепился голой писей за кнопку вызова стюардессы.

– Что ж у вас ребенок с голой писей? – крупный добрый стюард, пыхтя и потея, налегал на крестовую отвертку.

– Не признает одежды. Не можем совладать.

Ванечка, пересев ко мне на шею и действуя углом сухарика как кремниевым зубилом, пробил теменную кость и засунул ручонки в мозг.

Ванечка попил воды с газом, добежал до хвоста самолета и написал в цинковый гроб с курицей или рыбой, в штатное расписание бригады стюардов, в баночку для контактных линз и в ледяной контейнер с донорскими почками.

- Сколько нам лететь?
- Десять часов.
- Сколько мы уже летим?
- Двадцать три минуты.
- Что ж у вас ребенок с голой писей?
- Не признает одежды. Не можем совладать.

– Уважаемые пассажиры, вас приветствует командир воздушного судна. Мы заняли эшелон на высоте сто тысяч метров, и я Богом клянусь, что сброшу вас с этой высоты всех до последнего очкарика, если семья кретинов с 22-го ряда, места с Цэ по Эф, еще хоть раз позволит своему голожопому ребенку нассать в бортовую электропроводку, спасибо за внимание. Диа пэсенжерс! Выс из кэптан!..

Ванечка укусил чужого ребенка за глаз.

Ванечка поел грушу, пролез в щель между спинками и написал в початую бутылку столетнего кальвадоса из дьюти-фри.

Сосед брезгливо поболтал бутылкой на свет и обернулся.

– Мужик, не в плане критики, но может, мы как-то поможем?

Я сделал вежливое лицо:

– Не признает одежды. Не можем совладать.

– Да ладно, не стесняйся. Я мастер спорта по дзюдо в тяжелом весе, брат – чемпион мира по шахматам по версии Главкома пограничных войск Забайкальского округа – нам не трудно. Мы Ванечку нежно подержим, а тебе останется только пуговицы на памперсе застегнуть.

– Ребят, я буду только рад...

– Ко мне обращайся, брат глухонемой.

– Ребят, я буду только рад, но ничего не выйдет...

Гиганты дружно прыснули, показывая мне пудовыми ладошками, как у них все легко выйдет, но спустя минуту первый озадаченно отпросился снять остатки разорванной до пупа армани в пятнах крови из разбитой губы, а второй, отдуваясь, показал знаками, что ему нужна регбистская шапочка, сберегающая ушной хрящ.

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет вошел-таки в зону турбулентности, и теперь вам будут предложены российские газеты, рвотные карамельки и яблочно-томатный сок. Также спешим проинформировать вас, что, в отличие от поезда, самолет не смывает содержимое галюна непосредственно за борт, поэтому бессмысленно соотносить посещение туалета с данными ваших Джи-Пи-Эс-навигаторов, спасибо. Дия пэссенжерс!..

Пользуясь заминкой, Ванечка шторкой иллюминатора отрубил Машиной кукле ноги.

– Сколько нам лететь?

– Десять часов.

– Сколько мы уже летим?

Вместо ответа жена сняла с багажной полки рюкзак и надела его себе на голову.

* * *

Весь полет делится на два периода – до курицы или рыбы и после.

Пока курица или рыба мучительно ползет от бизнес-класса до твоего притуалетного ряда, и тают ряды коробочек с курицей, и все больше шансов, что останется одна рыба, надежда есть.

Когда пластиковые судки, как льдины, наползая один на другой, толкаются на тесном столике, сбрасывая на живот и ляжки капли стынушей подливки, надежда есть.

Но когда курица или рыба съедена, чай или кофе выпиты и набитая мусором телега стюардов навсегда скрывается за серенькими шторками, в сердце вползает ледяная тоска.

Кажется, что нет больше ни Земли, ни Мира, есть только застрявшая в пустоте и крошечной тьме пластиковая галера, триста заживо погребенных в ней пассажиров, остановившееся Время и нескончаемый детский вой.

Пережить эту безнадежную фазу полета мне очень помогли Вован (мастер спорта по дзюдо) и Леха (чемпион мира по шахматам по версии Главкома пограничных войск Забайкальского округа).

Нет, Ванечку они не одолели, и маленькая пися его сохранила гордую наготу.

Зато, отстояв положенную очередь и кое-как смыв пот, кровь, пюре и сопли в маленькой раковинке (Вовану Ванечка выдрал глаз и порвал щеку, а Лехе пяточками размозжил лицо в красный блин и откусил пуп), они разлили себе и мне в пластиковые стаканчики Лехин столетний кальвадос с Ванечкиными писями пополам, и то ли от алкоголя, то ли от пись в мутном бортовом иллюминаторе забрезжил свет.

– Эта, с рюкзаком на голове, – твоя жена?

– Да.

– Очень красивая женщина. Давай за нее?

– Давай.

– Скажи... А до конца полета она ведь никого еще не родит?

– До конца полета точно нет.

– Храни ее Бог! – Вован просветлел лицом и снова наполнил стаканчики, а Леха, видимо, прочтя по губам, растянул в улыбке свой бордовый блин и утвердительно замычал, трясая мокрой взъерошенной головой.

Второй разбойник

Я сегодня закусывал крошкой-картошкой в ларьке возле ХХСа.

Взял брынзу и крабы.

Крошечница-картошечница размешала масло с сыром.

Обычно я ем картошку ложкой.

Она прочнее вилки и обеспечивает лучший охват вкусовых рецепторов комками горячего картофеля.

И вот, я ел картошку своей пластиковой ложкой, а на огромной площади перед храмом навтыяжку стоял одинокий мужик в кожаной куртке с непокрытой головой.

Он стоял шагах в пятидесяти прямо по фронту плазмы (у ХХСа установлена гигантская плазма, день и ночь показывающая церковные новости), и я видел его в три четверти сзади слева.

Шел мелкий дождичек, абсолютно пустая площадь и – одинокий мужик.

Обычно плазма показывает высокопоставленных церковных функционеров, блестящих золотом и оперирующих понятиями вроде «ликвидности причастия» или «богоугодных фьючерсов», но сегодня, когда я ел картошку, в эфире что-то разладилось, и на светодиодный экран подали проекцию сухонького старичка-священника в простой черной робе.

Старичок рассказывал про последние дни Сына Божьего на земле и при этом почему-то обращался к зрителям словами «милые детки».

Видимо, старичок глубоко переживал то, о чем рассказывает.

Он взволнованно шурился, взмахивал руками, а когда начал говорить об отречении св. Петра (до того, как прокричал петух), о том, как горько плакал апостол, у него самого из косматых глаз покатались слезинки.

«И вот, милые дети, представьте, какой мрак и ужас был на душе у святого, когда темной ночью он плакал среди чужих людей, только что отрекшись от Иисуса...»

У меня картошка в горле встала комом.

Я посмотрел на картошечницу – она задрала голову в пластиковый потолок, чтоб понапрасну не растекалась тушь.

Одинокий мужик негибаемо стоял посреди абсолютно пустой площади, не отрываясь смотрел в плазму, и струйки воды стекали по его щекам.

А потом он вдруг громко сказал: «Нет».

Нет.

Повернулся – и оказалось, что все это время левой рукой он держал возле уха мобилу.

– Нет, – сказал в мобилу мужик, – я все понял. В жопу септик. Закопаем цистерну и будем раз в месяц откачивать.

Освободившись от раздумий, он сразу обмяк, заметил осадки и поспешил к переходу.

Я доел картошку и пошел в метро.

Темная материя

– Прощевай, мать! Отбываем.

Старуха убавила звук на телевизоре, поднялась и верно сделала все то, что надлежит в данной ситуации сделать русской бабе.

– Ну будет, будет. Гимнастерку мне намочишь.

Во дворе уже урчали грузовики, живая сила набивалась в технику.

– Куда же вас?

– Военная тайна.

– На Луну?

– Луна уже сто лет как наша, мать. На всех картах в красный цвет покрашена.

Старуха смахнула влагу тыльной стороной и посмотрела в потолок.

Где она сейчас, днем, Луна-матушка? В чье окно глядит?

Угадав мысли старухи, солдат тоже задрал подбородок:

– Воздуха там нема. Мерзлота. Цинга. Зато стадионы!

Луну китайцы хотели хапнуть. Референдум провели, домиков из синтепона понастроили.

Но не сдюжили. Воздуха там нема. Мерзлота. Цинга.

– Пашка мой на Луне остался. И Максим.

– Замполит рассказывал, там столько народу полегло – копнешь грунт, а у него ДНК русская.

– Упокой Господи.

Митрополит по телевизору беззвучно благословлял покрытые инеем цинковые ковчеги.

– Так куда теперь-то?

Солдат заглянул старухе в глаза.

– Темную материю в космосе нашли. Мрак там, мерзлота. Губительная радиация.

Вши с матрешку.

– Только бы китайцам не досталась.

– Ногтями удержим.

– Жаль, дед не дожил.

Солдат поднял мешок, примостил шапку на голову и шагнул к дверям.

– С детками попрощаешься?

– Зачем зря слезы лить? Подростут – расскажешь им про меня. Скажешь, уходил ваш папка темную материю в красный цвет красить, завещал вам людьми вырасти. Прощай.

Грузовики вывернули колесами и заурчали к далекой взлетной полосе.

Старуха долго смотрела в небо.

Потом заперла калитку и не оборачиваясь пошла в дом.

Татуировка

В цветное пространство маршрутки
вписан кобальт вареной куртки,
нежный пепел сожженной челки,
подлинявшая гжель наколки.

Пассажиры болтают о вечном,
перекрикивая лезгинку,
забивая крыльями плечи,
воплощался ангел в блондинку.

Шелестела игла, словно дождик,
заливая фарфор тушью,
жизнь то сложится, как зонтик,
то запутается, как наушники.

Детство кончилось, кончилось лето,
в синем сердце ржавеют стрелы,
синий ангел летит в небо,
в вышине становясь белым.

Парагвай

Роман Абрамович проснулся от шума – жена сосредоточенно скрипела мозгами в непосредственной близости от кровати. По загадочно-виноватому выражению лица супруги олигарх понял, что придется угадывать, и заранее помрачнел.

- Что-то случилось?
- С чего ты взял, что что-то случилось?
- Мне кажется, ты расстроена.
- Не понимаю, о чем ты...

Минут через двадцать пять – тридцать бог знает кем положенных плясок и приседаний жена, наконец, раскололась:

- В коробочке для денег осталось не так много денег.

Абрамович надел тапки, отодвинул кровать, щелкнул выключателем и заглянул в ларь для наличных денег. Далеко внизу, в темноте, спали купюры. Абрамович пошевелил вилами – действительно, сквозь сугробы бумажной массы кой-где уже просвечивал деревянный пол.

- Ерунда, сними с карточки.
- Там пусто.
- Прости?
- Пусто. На карточке пусто! Что еще?
- Но там же (на карточке лежали все деньги, вырученные с продажи приватизированной когда-то по случаю Западно-Сибирской равнины)...

- Ой, вот только не надо аудита!

Жена глубоко задыхалась, демонстрируя сильное возбуждение и готовность к отпору.

– Да нет, я не в этом смысле... Просто любопытно, куда ты... гм. Куда мы потратили такую значительную сумму?

- Ну я купила гексорал, когда ты болел...
- Так.

– Потом я заплатила за воду и свет, а еще мы сходили с детьми в цирк. Два раза. Потом... «Четыреста тонн денег, – думал олигарх, с тоской глядя на жену, которая, уперев глаза в потолочную лепнину, перечисляла бесконечные детские маечки, купленные по случаю на распродаже, – четыреста тонн бумажных денег! Целый товарный состав! За неделю!».

- Дорогая, я все понял!

Жена осеклась на полуслове и с недоверием посмотрела на мужа.

– Я все понял. Видишь ли, мы состоятельная семья, но всему есть предел. Настало время нам подумать об экономии...

Спустя два часа, пройдя сквозь огонь, слезы, уговоры, клятвы, увещевания, стенокардию и минет, Абрамович стоял под чахлым и прохладным (из экономии: холодная вода дешевле горячей) душем и твердил, невесть откуда пришедшую на память фразу: «Зарабатываешь фунт и тратишь девятнадцать шиллингов шесть пенсов – и ты богач. Зарабатываешь миллиард фунтов и тратишь миллиард фунтов и один шиллинг – и ты нищий...».

Пока он мылся, жена купила стадион.

«Ты же сам говоришь, мы экономим, но экономим только на том, на чем можно экономить. На чем экономить нельзя – мы не экономим. Ты же не предлагаешь экономить на здоровье детей?».

Абрамович закусил губу от обиды и решил из экономии идти на работу пешком.

Первые полчаса, пока не начало сводить ноги, шагать пешком по Лондону было даже приятно.

Но улицы все тянулись и тянулись, как пленка из зажевавшего магнитофона, а до работы было еще как до серого байкового неба. Абрамович вспотел, устал и становился перевести дыхание.

Два раза прилетал самолет. Первый раз жена посылала узнать, не забыл ли он зонтик, а второй раз, собственно, самолет зонтик привез.

«Если исключить самолет, – думал Абрамович, хлопая по колену бесполезным зонтиком, – топать пешком, конечно, выгоднее, чем плыть на яхте, однако...»

Однако стоило признать, что слякоть на улицах Холборна за один раз насмерть убила нежные ботинки из кожи ствольных клеток султана Брунея, поэтому на круг выходило так же.

Абрамович сплюнул, ухватился рукой за шершавый бок улицы и стал звать такси.

Позвонила жена.

Отвернув от лица трубку и беззвучно чертыхаясь, Абрамович принялся ждать, когда закончится эпическая сага о том, каких самоотверженных усилий стоил жене отказ от привычного заплыва в двадцатипятиметровом бассейне с черной икрой. В качестве компенсации за понесенный стресс жена купила Парагвай.

Абрамович крепко, до хруста зажмурил глаза и уперся лбом в Холборн.

– А что? И детям будет где поиграть, и нам где старые лыжи хранить... К тому же сейчас несезон, и Парагвай шел с большой скидкой – видишь, какая я у тебя экономная?

Подошла маршрутка.

Мелочью не хватало полшиллинга, а с бумажной купюры в миллиард фунтов, оказавшейся в кошельке, у шофера не нашлось сдачи. Народ стал бурно возмущаться, требуя продолжать движение, пришлось потратить купюру и купить всю маршрутку целиком вместе с шофером, пассажирами, фабрикой-производителем, компанией-перевозчиком и сетью дешевых супермаркетов в нагрузку.

Абрамович выгнал пассажиров из своей маршрутки, втиснулся на сиденье контролера и поехал на работу.

На работе было никак.

Олигарх погулял какое-то время в каньоне между корпусами своего офиса, потом наугад выбрал подъезд и также наугад поднялся на сорок второй этаж.

Никого.

Абрамович достал ноутбук, уткнулся лицом в пасьянс и уснул.

Разбудил его рев самолетной турбины.

Жена прислала труженику скромный обед – бутербродик с ветчиной из «Бургер-Кинга», завернутый для сохранности в пейзаж Брейгеля.

Работать было нечего, да и не хотелось.

Абрамович пошатался по гулким пустым залам, потрогал пальцем пыльные произведения современного искусства (давно пора пожертвовать какой-нибудь африканской деревне), вызвал яхту и поплыл домой.

– Я домой еду, ничего не надо купить?

– Подожди... Что-то надо было... А! Вспомнила! Купи, пожалуйста, подсолнечного масла для жарки и контрольный пакет «Де Бирса»...

– Какого масла?

– Любого. «Золотую семечку», например. Какое будет. А еще...

– Да?

– Нет, ничего... Я забыла, что мы экономим. Ничего не надо, даже масла... Иди уже домой... – жена всхлипнула.

Абрамовичу стало жалко жену.

Он причалил (в неполюженном месте) к берегу Темзы и буквально на минуту отбежал купить (самолет) тюльпанов.

Счет за раздавленный неожиданным маневром гигантской яхты челнок королевской семьи (вечер был, начальник, туман, да еще и свет в лицо!) составил полмиллиарда фунтов.

Вечером Абрамович с женой сидели в обнимку, пили шампанское из бумажных кулечков, сделанных из судебного постановления о наложении штрафа, и болтали босыми ногами в бассейне с черной икрой.

– Необходимо признать, что экономия – это не наш конек...

Жена задумчиво зачерпнула пригоршню икры.

– Слушай, ну не умрем же мы, в самом деле, с голоду!

– Да нет, конечно!.. В крайнем случае, загоним твой Парагвай...

– Кстати, о Парагвае... С ним такое дело...

Абрамович вопросительно отстранился.

– Гм. Помнишь, когда мы еще жили на старой квартире, у нас был тамагочи?

Абрамович не помнил старую квартиру, но то, что лыжи им не судьба хранить в Парагвае, он уже догадался.

– Помнишь, как мы совсем на чуть-чуть забыли про него, а он за это время завалил весь экранчик дерьмом и сдох?

Абрамович сгреб жену в охапку и дружелюбно потрепал по затылку.

– Эх ты, голова садовая!

Желтые осенние листья зимнего сада медленно падали в черную икру, в сумерках напоминающую нефть марки брент.

– Ты меня любишь?

– Чмок!

– Правда?

– Чмок!

Жена положила голову на колени мужа и долго рассказывала, что, если есть любовь, деньги не главное. А олигарх играл ее волосами и все думал – как же там Россия? Как она там одна, в тумане?

Командировка

Я заехал за Викой в понедельник.
Как сейчас помню, в район Сокола.
Пасмурное небо отражалось в пыльных стеклах осенних домов.
Весь день мы провели в пробке на Ленинградке, толкаясь за каким-то троллейбусом.
Часов в десять вечера я остановил машину, и мы разъехались по домам на метро, договорившись завтра с утра продолжить поездку.

На следующий день Вика опоздала – я прогрел мотор, почитал газету, выпил кофе из стаканчика-непроливайки, а она все не шла.

– В метро в пробку попала!

На Вике было серое пальто, которое очень ей шло.

Мы снова ехали весь день, болтали о том, кто где отдыхал, о новостях сети, о фильмах и телевизионных сериалах.

Несколько раз ей звонили по делам – она, уже не стесняясь, отвечала.

К вечеру мы доехали до Белорусского вокзала. Я галантно запарковался на тротуаре (если бы Вики не было со мной, я бы бросил машину в луже или втиснулся между мусорными контейнерами), и мы снова разъехались по домам на метро.

В ночь на среду пошел дождь, и шел весь день.

Стекла машины потели, мы тащились по Тверской, блестевшей расплывчатыми огоньками витрин.

Я включил радио, в негромкую музыку вплетался шума дождя, ворчание теплого мотора, ход дворников. Мы сами не заметили, как оказались без одежды.

Вечером, кое-как доехав до Садового, мы долго сидели в кафе, потом разъехались на метро.

В четверг Вика была выходная.

Я ехал один, день тянулся бесконечно, я добрался до Смоленской и с горя остался ночевать в машине прямо посреди полосы (пока я спал, передо мной влез джип).

В пятницу я проснулся от стука в стекло.

Это была Вика.

Мы снова занимались любовью, сходили в кино (пока горел красный), пили кофе из дурацких пластиковых стаканчиков.

«...загруженность московских улиц оценивается как высокая, глухо стоят Абельмановская Застава, Абрамцевская улица, Абрикосовский переулок, Авангардная улица, улицы Авиаконструктора Микояна, Авиаконструктора Миля, Авиаконструктора Сухого...»

Вместе мы дослушали список до буквы Д.

Потом Вика простилась и ушла.

Я долго еще сидел за рулем, улыбаясь и слушая названия то знакомых, то абсолютно неведомых мне московских улиц.

Через неделю мы были на Варшавке, вручили нашу срочную бандероль и еще через две вернулись обратно на Сокол, уже женатыми.

– Надо же, – качала головой Викина мама, – как вы быстро все обтяпали! Ох-хо-хо, детки, детки, как все быстро! Я принимался ее утешать, а Вика улыбалась, осторожно приложив узкую ладонь к своему теплому фланелевому животу.

Тайна имени

- Мы нашли семью Великого Воина, повелитель.
- Наконец-то. Он уже появился на свет?
- Он пока еще в самке.
- Покажи.

В голографической проекции отображалась московская кухня. Пузатая молодая человеческая женщина приняла чашку, отхлебнула и продолжила разговор:

- Или Евгений, или Максим. Но не Виктор, нет...
- А если девочка?
- Это мальчик. И его будут звать Максим.

Темный властелин нахмурился.

- Какова тайна имени Максим?

Придворный прорицатель пошевелил щупальцами.

– «Названные именем Максим упорны в достижении цели, дальновидны и мудры, но расчётливы и импульсивны. Их слабое место – селезенка, число – семь, минерал – асбест...».

– Семь? – повелитель выпустил желтый пар и хлопнул прорицателя по спинным плавникам. – Если поторопимся, наш флот достигнет пределов Млечного Пути в эпоху асбеста. Готовьте галактический крейсер! Мы выдвигаемся немедленно!

– Мне не нравится Максим. Дядя Максим был пьяницей. У нас в институте был Максим Петрович, и на него уронили рулон фторопласта.

- И что?

– Ничего. Костюм новый испортили. Я против Максима. Если выбирать – лучше Евгений. Женщина запахнула халат и задумчиво покачала головой.

– «Евгении добры и наделены сильным характером, но уязвимы перед магией воды и соединениями серы. Их минерал – керамзит, число – 115, дерево – бузина...».

– Бузина?.. Хм... Число наших жертв будет велико. Война неоправданна, отзовите крейсер.

– Знаешь, как Евгения будут звать в школе? Жендос. Ты хочешь, чтоб твоего сына звали Жендос?

- А как тогда?.. Может, Егор?..

– «Все Егоры красноречивы и терпеливы, одарены талантом к перевоплощению, но бесильны перед плазмой...».

- Готовьте крейсер! Мы выдвигаемся немедленно!

– Один Егор нам тут встроенный шкаф задом наперед собрал... Тогда уж лучше Георгием.

– Я сегодня ехала в лифте с Георгием Ванесовичем из шестьдесят седьмой, от него так пахло хорошо!

- «...Заболевания таза и белая горячка...».

- Два крейсера!

– Мама, но он же хач! И потом не забывай про дядю Гогу из Воронежа!

- Об этом я не подумала!

– Может, Евгением, все-таки? Почему обязательно Жендос?! Женя... Женечка...

Чаша весов, на которых взвешивается будущее галактики, вновь качнулась в сторону победы людей.

Темный Властелин насупил жаберные щели и пустил красный пар.

- Отзовите крейсер. Земляне будут слишком сильны...

– Тут написано, что Евгении добры и наделены сильным характером...

– Дай-ка... Керамзит?! Твой отец чуть почки не посадил на керамзите! Евгением – только через мой труп!

– Когда мы захватим Землю, я сделаю эту мудрую самку наместницей центурии!

– Значит, Максимом?

– Назовешь Максимом, – разведусь с тобой! Я не собираюсь с Максим-Петровичем нянчиться, меня весь институт засмеет!

– Ах, этот бородатый землянин достоин катаlepsии!

– Знаете что?! С вами каши не сварю! Кто первый войдет в эту дверь, того и послушаю!

Кухня замерла. Замер Темный Властелин, придвинув окуляры к прибору и тонкой струйкой выпуская зеленый пар. Замер прорицатель. Замерли миллионы светил в обеих Галактиках, с трепетом готовясь принять свою Судьбу.

Энергетическое поле голограммы вздрогнуло, пропустив через себя волну разума. В кухню, черная, как грозовое облако, вошла бабушка.

– Что каркаете? Как вороны! Максим! Евгений! Тьфу!

– А как же Зоя Тихоновна?

– Вот имя так имя! – Старуха подошла к животу и нежно приложила корявую ладонь к теплому своду. – Расти, милый, здоровеньким и зовись Удмианаф, что значит: «У Дмитрия Анатольевича новый айфон»!

Темный Властелин выпустил пар и прилепнул глаза плавником.

– А что? Мне нравится!

– Удмианафчик!

– Удмианаф Петрович!

Люди в кухне обрадовались, брюхатая самка поднялась и нежно обвила старуху руками.

– Все ясно. Расходимся. – Повелитель жестом остановил прорицателя, лихорадочно листающего бесполезный справочник.

– Но что мы скажем в Совете, господин?

– Мы скажем, что на наших глазах земляне обманули Судьбу.

Темный Властелин протянул щупальцу и погасил проекцию.

На невообразимо далекой планете Земля Великий Воин Удмианаф повернулся поудобней в пузе своей матери и снова мирно заснул.

Прохладный мир

Охота выдалась удачной – загнали лосенка и двух баб.

Прямо за службами был устроен прочный загон из деревянных перекладин, по форме напоминающий ЦУМ. Главный трофей – большая чумазая девка – был помещен сюда. Розовые груди мотались за свежеструганными решетками – баба деловито нарезала круги по клетке, толкая перед собой несуществующую тележку. Потом вдруг она садилась на солому в позе педикюра, и взгляд ее стекленел. Баба смотрела «Дом-2».

Ибрагим, скинув черкеску, блестящую серебряными газырями, и перехватив длинные усы ниточкой, точил булатный нож. Вторая баба, которую сильно попортили собаки, лежала подле на траве, стреноженная, и листала журнал «Хелло!». Ибрагим выкатывал глаза, что-то напевая, и приятный свист заточиваемой стали летел вслед за дымом костерка к осеннему небу.

– А что, Ибрагим, хороша ли баба?

Кое-кто из джентльменов уже переоделся и со стаканом коньяка в руке спустился во двор проведать жаркое. Белый прибор лихо пересекал черные лаковые волосы.

– Очень хороша, барин! Из этой баба буду пилов делать! Еще репа возьму, зира возьму, немного нут возьму, красный перец для запаха! Смотри, будешь кушать бабу, барин, язык не проглоти!

<описание природы></описание природы>

Большой стол накрыли прямо под небом, подложив кое-где доски, чтоб ножки не утопали в мягкой осенней почве.

Плов ели руками, запивая хорошим Саперави и водкой.

Кинза, помидоры, крупная соль и тонкие кольца лука составляли закуску.

– А что, господа, слышали ли вы, что бабу можно эть?

Фердинанд расколол мозговую кость предплечья и понюхал густой ароматный пар.

– Да-с, бабу, как и любое млекопитающее, можно эть. Я вот пробовал эть бабу, когда служил в Бессарабии, и нашел ее куда нежней козы.

Джентльмены, разгоряченные спиртным и прозрачным осенним воздухом, загоготали.

– Да, ее можно приручить и сделать другом, взять в дом.

За столом повисла тишина. Ножи перестали звенеть о тарелки. Где-то далеко в осеннем бору переговаривались сороки.

– Что вы стихли, как на похоронах? Я имел в виду козу.

Громкий смех, как ливень, обрушился на поляну.

Джентльмены корчились, сгибаясь и разгибаясь, хлопали друг друга по спинам, показывая рты с непрожеванными кусками мяса, проливали из стаканов, роняли тарелки и стулья. Ибрагим, все еще в фартуке и с подвязанными усами, гоготал так, что клетчатый платок его весь промок от слез.

Перестать смеяться было им решительно невозможно, но если бы джентльмены вдруг остановились, хотя это и не было возможно, но если бы они на миг затихли, то услышали бы,

как в своей деревянной клетке, оставив «Дом-2», тоненьким голоском хихикает вместе с ними розовая чумазая девка.

Офисная готика

– Вы славный парень, Джонатан, сожалею, что вам досталось так мало.

Краснорожий деревенский нотариус не слишком усердно изобразил сочувствие, протягивая мне желтый конверт с ключом. За спиной хихикнула какая-то из тетушек.

К моему горькому разочарованию из всего обширного дядино имущества мне в наследство достался один только блог.

* * *

Дядин блог оказался суровой старинной постройкой, потемневшей от времени и непогоды. Аллея старых лип, покрытых пустыми вороньими гнездами, вела к нему от церковного кладбища.

Я вскрыл конверт, и мне на ладонь выпал небольшой медный ключ с надписью qwerty12345 на круглой головке, который не с первого раза отомкнул древний замок.

Наследство мое представлялось мне все более никчемным.

* * *

Было за полночь.

Я сидел в дядином блоге и копался в записях. Тяжелая мрачная облачность быстро бежала по небу (размытая луна редко мелькала в прорехах туч), да ветер выл в трубе угасшего камина.

Вдруг я отчетливо различил тихий стон. Даже не стон, а всхлип, с которым прочищают большое горло.

Я поднялся и на ватных ногах обошел блог, заставляя себя заглянуть в каждый пост.

Шаги мои тревожно звучали в пустом помещении. Сделав круг, я вернулся к креслу, в котором сидел, и к ужасу своему заметил, как какое-то существо при моем приближении отпрянуло за спинку.

Успокаивая себя, что это один из кладбищенских псов заскочил ко мне на огонек, я поднял кочергу и на цыпочках принялся обходить кресло, держа свечу в левой руке.

Густая тень медленно чертила круг, отступая от мигающего пламени свечи.

Собака (если это была собака) вот-вот должна была показаться в полосе света.

Я приготовился как следует наподдать ей, как вдруг высокий костистый мертвец, шафранно-желтый, в черном старомодном костюме, резко поднялся из-за кресла и, прежде чем я потерял сознание, добавил меня в друзья.

* * *

«Почему мы боимся мертвецов?»

С технической точки зрения, мертвец – никудышный противник.

Годы пассивного лежания в гробу не прошли для него даром: он слаб, вял, неловок, кроме того, плоть его полуразрушена и не защищает внутренние органы так же хорошо, как прочные ребра живого.

Если мы говорим о европейцах, в обычаях которых давно нет места пышным проводам усопшего вместе со всем его имуществом, почти наверняка наш покойник не вооружен.

Казалось бы, в прямой схватке одолеть мертвеца сможет почти любой мужчина (за исключением, разве, калек, детей и дряхлых стариков), а уж имея под рукой топор, серп или косу, можно уверенно сказать, что с покойником справятся и женщина, и подросток.

И все же каждый раз, когда выходец с того света предстает перед нами, сердце наше обрывается, душа уходит в пятки, и даже бывалые забияки либо малодушно спасаются бегством, либо падают в обмороки.

Почему?

Каждый живой знает, что рано или поздно умрет, поэтому бытие наше пронизано ощущением собственной временности, конечности. Мертвец же останется мертвым навсегда, и срок его есть Вечность. Вот это столкновение с Вечностью и пугает нас, а вовсе не вероятный физический ущерб, хотя, если принять возможность заражения крови от укуса полусгнившими челюстями, последний тоже нельзя полностью сбрасывать со счетов», – размышляя так, я тщательно поливал стены, пол и все посты блога святой водой из огромной фляги, которую после мучительной борьбы профессионального благочестия с врожденной подозрительностью дал мне деревенский vicar.

* * *

Покончив с экзорцизмом, я кое-как доковылял домой и сразу уснул прямо на диване в гостиной. Очнувшись под вечер, когда последние лучи заката заливали комнату мглистым

маревом, я долго не мог понять, приснился мне френдинг с покойником или все было на самом деле.

Чтобы как-то отвлечься, я зарядил револьвер и принялся сшибать со стола пустые бутылки (за последние дни их набралось немало) – сперва это забавляло меня, но не прошло и четверти часа, как острое желание посетить блог и проверить статистику взяло верх над здравым смыслом.

Проклиная свою слабость, я накинул плащ и выскочил из дома.

Закат уже догорел, и сырой туман поднимался над землей. Казалось, клубы его движутся по кругу, засасывая спящую деревню в гигантскую воронку.

Я обогнул церковь, пересек безмолвное кладбище и вошел в темный блог. Где-то очень далеко выла собака, плач ее метался в сыром вечернем воздухе, смешиваясь с паровозными гудками, туманом и скрипом ветвей.

Чиркнув спичкой, я зажег свечу.

Очевидно, святая вода не сработала: прямо передо мной в высоком кресле сидел мой вчерашний френд.

Второй мертвец стоял поодаль, картинно заломив на горле желтую высохшую кисть.

После некоторых колебаний он тоже добавил меня в друзья.

* * *

- Благословите меня, святой отец, ибо я грешен.
- Во имя Отца, Сына и Святого Духа.
- Меня зафрендил мертвец.
- Простите, сын мой?..
- В мой блог пришел мертвец и зафрендил меня.
- Пресвятая Дева Мария!
- Что мне делать?
- Немедленно забаньте его, сын мой, и дюжину раз прочитайте «Богородицу» и «Отче наш»!
- Да, святой отец.
- И еще...
- Да, святой отец?
- Скажите мне, сын мой, как вырос ваш рейтинг?
- Что?
- Вас зафрендил мертвец – как это повлияло на рейтинг? Ходят слухи, что у мертвецов огромный социальный капитал.
- Я не знаю... я не думал об этом... я могу посмотреть...
- Не стоит. Забаньте его и прочтите молитвы. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь!

* * *

Говорят, под Палермо есть катакомбы, в которых местное население хранит своих покойников, превратив таким образом эти подвалы в своеобразный музей смерти.

Я не был в Палермо, но, полагаю, мой блог стал чем-то подобным.

За месяц у меня набралось около двухсот новых френдов разной степени разложения.

Тяжело переживая постоянное общение с мертвыми людьми, я осунулся, побледнел и почти перестал спать, особенно когда в деревне стали пропадать сперва собаки, а потом и люди, а в своем блоге я все чаще находил обглоданные кости.

Из живых людей меня добавили только двое: викарий, да мисс Абигаль – дочь кладбищенского сторожа.

* * *

Мисс Абигаль. Я хочу немного рассказать об этой девушке.

На первый взгляд она невзрачна и даже некрасива. Гладкие черные волосы закрывают половину бледного лица. Тонкие, почти прозрачные локти и предплечья, длинные кисти рук, которые вечно выгнуты так, будто сухожилия не в силах справиться с их тяжестью. Хрупкая детская фигура. Тихий сухой голос.

В первый раз мы оказались наедине, когда проливной дождь застал меня на деревенском кладбище. Опасаясь вымокнуть, я нырнул в первый попавшийся склеп, а через минуту там же оказалась и Абигаль, мокрая до нитки. Черное платье, подобно рыбьей коже, облепляло ее длинное тело. Я предложил ей свое пальто, но она смутилась, выскользнула из дверей склепа и растворилась в пелене дождя.

Вечером я добавил дочку сторожа в друзья.

Через неделю мы стали любовниками.

Через месяц мои мертвецы съели ее отца.

* * *

Из Лондона мне каждый день приходили письма.

Два-три раза написал кто-то из друзей, но в основном это были гневные, желчные и оскорбительные петиции от кредиторов. Мне угрожали судом и земным и небесным, но обоих я уже не боялся: первого – потому что за счет мертвых подписчиков популярность моего блога так стремительно росла, что к зиме я рассчитывал стать лордом-тысячником, а с неблагоприятным исходом второго я уже свыкся.

Могу открыть вам секрет популярности среди усопших: опросы. Оказалось, мертвецы обожают опросы. Теперь, когда их мнение так катастрофически никого не интересует, за возможность высказаться любой покойник отдаст свою правую руку (если, конечно, она еще не сгнила и не отвалилась).

Кроме того, не стоит забывать, что мертвых на Земле скопилось гораздо больше, чем живых.

* * *

С каждым днем я обожал ее все больше – из всех деревенских девушек только Абигаль не боялась задрать юбку в моем блоге.

«Я не теряю головы от покойников», – улыбалась она.

Ах, знал бы я тогда, какая горькая ирония заключена в ее словах!

* * *

Гром грянул, когда Королевская ассоциация блогеров вполне ожидаемо объявила мой блог самым посещаемым не только в деревне, но и в графстве, больно уязвив предыдущего бессменного чемпиона – викария.

Стоял прозрачный, холодный, продуемый всеми ветрами октябрь.

Кровавые закаты блестели в замерзших лужах, волки подходили к самому жилью, по ночам черные скрипучие липы, дрожа от холода, переговаривались с размытыми звездами.

Едва получив чек, я побежал в церковь и под епитрахилью рассказал святому отцу все как есть – теперь викарий был связан тайной исповеди и не мог заложить меня Ассоциации. Бедный поп! Смертные грехи гнева и зависти раздирали его душу!

Он едва дотерпел до воскресенья, чтоб предложить вниманию поредевшей паствы проповедь на тему: «Алчность и гордыня – пути к язычеству, содомии и накруткам рейтинга», прозрачно намекая на вашего покорного слугу.

Деревенские правильно поняли пастора, и я попал в полномасштабную осаду.

Мне закрыли кредит в бакалейной лавке, прачка не брала мое белье, трактирщик отказал мне в столе, двери закрывались у меня перед носом. Абигаль утешала меня как могла, но все же я страдал от размолвки с живыми обитателями деревни, и черт меня дернул написать о своих переживаниях в блоге.

События следующей ночи вошли в полицейскую хронику как «К***ая вакханалия смерти, или Ночь восставших из могил – 2» (первая была двумя веками раньше).

Участовавшие в «вакханалии» покойники признавались впоследствии, что сперва хотели лишь попутать жителей деревни, но по ходу дела «немного проголодались».

* * *

«И сказал Господь Моисею: “Пойди к фараону и скажи ему: так говорит Господь: “Отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение; если же ты не согласишься отпустить, то вот, Я поражаю всю область твою жабами; и воскишит река жабами, и они выйдут и войдут в дом твой, и в спальню твою, и на постель твою, и в дома рабов твоих и народа твоего, и в печи твои, и в квашни твои, и на тебя, и на народ твой, и на всех рабов твоих взойдут жабы”. И сказал Господь Моисею: “Скажи Аарону: прости руку твою с жезлом твоим на реки, на потоки и на озера и выведи жаб на землю Египетскую”. Аарон простер руку свою на воды Египетские; и вышли жабы и покрыли землю Египетскую.»

Торопливо шел я по разоренной деревне. Холодный ночной ветер рвал мой плащ.

Вопли ужаса и отчаянья, метавшиеся над домами, затихли, на смену им пришли чавканье, урчанье, хруст хрящей, визг глодаемой кости: под покровом темноты мертвые доедали живых.

Переступая то и дело через зловещие останки, я думал об Абигаль. Мне представлялся пароход, несущий нас в Америку, как вдруг из темноты вынырнул тощий пес, несущий в зубах белую кисть руки, и я узнал кольцо.

Ноги мои подкосились.

Не помню, как оказался я на кладбище. В доме Абигаль горел свет. Я толкнул незапертую дверь – вещи разбросаны, осколки посуды хрустят под ногами. Широкая липкая полоса на ступеньках лестницы привела меня в спальню. Сверкая шейными позвонками, черный шар выкатился мне под ноги. Сухой грязный старик повернул истлевшее лицо в мою сторону:

– Джонатан? Это ты, сынок?

Я вскинул револьвер и разрядил весь барабан в окровавленную дядину пасть. Затем поднял с пола голову Абигаль, завернул в плащ и понес туда, где отныне мы будем вовеки неразлучны.

В мой блог.

Куас

– Прежде всего я хочу поблагодарить за возможность работать на ролике про Куас, у нас в Южной Африке нелегко достать хороший Куас, но при случае я обязательно беру этот чудесный русский напиток!

(Переводчик с бурского переводит на английский, собравшиеся одобрительно кивают.)

– Итак, я постараюсь снимать эту историю очень этник, очень аутентик. Главный герой, его зовут Арслан Сусанин, он русски мужик, он живет в деревня, где делают этот Куас в таких маленьких деревянных бизнес-центрах...

– Простите, у агентства есть возражение.

– Да?

– Не возражение, маленький комментарий. Арслан – это не совсем русское имя... да, меня зовут Арслан, но я не русский – я вырос в Бронксе...

Клиент:

– И Куас делают не в бизнес-центрах, а в таких... как сказать? В таких русских далман-тандырах, у нас в Калькутте в таких казнят преступников. (Переводчик переводит на бурский.)

Режиссер:

– А! Пардон! Но неважно, пусть героя зовут... Как вас зовут?

– Жан.

– Хорошо, пусть он будет Жан Сусанин, все равно мы нигде не называем его по имени. Это важно для истории, для правдоподобия, аутентик, понятно? Я хочу избежать штампов и не называть его Иван, ок? Итак, русские. Они делают свой Куас, они растят муку, у них везде газон, это дает ощущение натуральности. Я смотрел много Куас-фото, у вас потрясающая айдентити, мне нравится вот это фото, нужно только убрать пальмы...

Клиент:

– О! Мне очень нравится! Это наш завод в Калькутте?

– Да.

– Мне очень нравится!

Эккаунт:

– Запишите: по локейшену одобрен референс номер 131-Б без пальм.

Режиссер:

– Благодарю вас. Русские очень патриотичны, у вас замечательные песни, крепкий патриархальный быт, много детей – важно показать, что Куас пьет вся семья. У нашего героя Жана Сусанина есть жена Буренка, у него есть «Шевроле Тахо», у него есть девочка Наталья и мальчик Блеать и еще маленькая девочка Живаго-Мария-Буренка. У нас в Южной Африке часто называют девочку вторым именем жены, делают ли так в России?

Эккаунт:

– Мы выясним (записывает).

Клиент:

– У меня есть консерн.

(Переводчик переводит.)

– В самом деле?

– Да. Как вы знаете, в России начинается сезон дождей – это подтверждают все фокус-группы, поэтому здесь снимать нельзя. Мы волнуемся, что в Южной Африке не удастся создать имидж русской деревни и кастинг южноафриканских русски-мужик может быть не аутентик. Может, снять ролик в Аргентине, где есть все условия для создания истинный рашен-лук?

Агентство:

– Не будем забывать, что наш главный референс по кастингу – 8-й сезон сериала «Лост», который снимался именно в Южной Африке.

Клиент:

– Тогда у меня нет вопросов.

(Переводчик переводит на бурский.)

Режиссер:

– Последнее, что я хочу упомянуть, но не последнее по смыслу – это слоган. Iskonno-poskonnoe svyat-bogatyrskiyi vkus rusi istinnoi, kwas Goryushko krasno solnyshko слишком длинно. Я предлагаю сократить до Iskonno-poskonnoe svyat-bogatyrskiyi vkus rusi istinnoi, kwas Goryushko krasno. Так можно сказать по-русски?

– Мы выясним.

Продюсер:

– А что с заводом?

Клиент:

– Да, неприятный момент. Мы точно не сможем снимать наш завод, потому что в главный чан залезла священная корова, и пока она не накупается, мы не можем снимать завод.

– Но ведь корова – аутентик русски животное?

– Все равно нельзя, так как наш Куас позиционируется как постный продукт.

– А мы можем зачистить ее на poste?

– О! Компьютерная графика... Компьютерная графика?..

– А!.. Да... здесь... что?

Я смахнул с лица прилипшие визитки и окончательно проснулся.

– Мы сможем вычистить корову из продукта?

– В рамках бюджета?

– За доп.

– За доп мы готовы вычистить корову, всех слуг ее и всех ее служанок, а также лошадей ее кареты.

– А-ха-ха! Гуд бой! Как у вас говорят... дзянкую!

Я смущенно поулыбался, и когда внимание собравшихся сместилось на обсуждение русски кэжуал костюм, стащил со стола печенку.

Жестокий служебный

Раз на ППМе встретились случайно,
а может, не случайно, а свела Судьба –
Галя-два-консерна, представитель бренда,
и нищий копирайтер Миша Копипаст.

Он увидел Галю, и не смог отъяться,
потонул навеки в голубых очах,
а она сидела, холодна, как мрамор,
медленно листая ППМ-буклет.

– Что мне делать, братцы?! У нее брильянты,
кожаные сумки – все из дьюти-фри,
а у меня зарплата, как у ее шофера,
двое малых деток, да три-джи-айфон...

Он ей слал букеты, кольца и браслеты,
в банках брал кредиты, залезал в долги...
Вроде честный фраер, но любовь диктует,
и он под это дело крысанул общак.

– Что ты сделал, Миша?! Я б тебя любила
в бедности и чести, а теперь вот так:
ты лежишь в багажнике, истекая кровью,
а я иду на сходку, за тебя просить.

Галя-два-консерна говорила тихо,
но метали пламя синие глаза:
– Вот мои консерны: отпустите Мишу,
а я вам выдам тайну бренда моего.

После мы уедем навсегда отсюда,
И дорога примет новых двух бродяг,
вот мои брильянты, вот ключи от хаты,
вот святая тайна бренда моего!

Паханы жестоко с ними поступили,
И большую цену им пришлось платить,
Но любовь их птицей уносила в небо,
Кто там был, тот знает, прочим не дано!

* * *

Много лет минуло, но, говорят, в Гаване,

в кабаках портовых видят иногда
пожилую пару – он всегда с айфоном,
а у его подруги взгляд, как моря синь.

Пэкшотный художник

– Тут вот, братец, какая линия: приказчик мой напутал и заявил один пэкшот, а их надо три.

Холопы переглянулись.

– Ну что ж, барин, не печалься, сделаем три.

– А успеете? А то вечно мне врите сроки! – и, вспомнив что-то, барин побагровел.

– Что ж, Бог даст, успеем.

Барин снова стал нормального цвета, кивнул и тронул поводья.

Холопы спешно перешептались, и старый клокастый дизайнер потянул за стремя:

– Смету вашему сиятельству мы сегодня пересчитаем.

– Смета утверждена, голубчик. Ступай работать.

– Вашество, в старой смете один пэкшот, а ты теперь хочешь три!

– Смета утверждена, – повторил граф твердо.

Дизайнеры все поняли и дружно заключили:

– Барин, заставь вечно Бога молить! На три пэкшота и материала пойдет втрое! У меня детки малые, изба худая! Мне б хоть расходы отбить, а?.. Хоть алтын накинь – себе в убыток сработаю!

– Что хочет от тебя этот грязный человек, Адольф? – спросил на прекрасном ломаном английском молодой спутник графа.

– Он хочет моих денег, как всегда, мой френд.

– Большое дело! Ударь его плеткой, и поехали на охоту прямо сейчас!

– Вы просто читаете мои мысли, Алекс! – граф продемонстрировал юному другу, каких выдающихся результатов достигла румынская стоматология, щелкнул хлыстиком, сытые лошади взвились, дизайнеры попадали в канаву, а мелкий дождь, которого никто не замечал, все покрывал и покрывал колкую стерню серым блестящим лаком.

– Вот, Авдотья. Сука ты. Тварь.

– Ага, вы как нарежетесь, так все я сука.

– Не спорь. Дело твое темное. Ума у тебя – ну как... ну как... у энтова...

– Э-эх! Это вы, Пантелей Иваныч, весь ум пропили! Небось, как всегда, раздраконили вам задницу ваши господа-клиенты, вот вы с горя бельмы-то и заливаете! Что, не так?!

Дизайнер Пантелей горько сморщил лицо, белесые слезинки закапали на стол, где, не стесняясь людей, большой черный таракан деловито ел из плошки квашеную капусту.

– Где это вы, граф, взяли таких хороших пэкшотов? С виду турецкие!

Польщенный граф вынул ароматный чубук из нежного рта и кашлянул, поправляя голос.

– Нет-с, генерал, поверите ли, это мои мужички, из Макинтошевки, братья... как бишь их... ну не важно. Так вот, местные мужички из лыка плетут.

– И дорого берут?

– По пяти копеек за секунду.

– Ого! Дорого!

– Дорого, да только я не плачу.

– Позвольте, это как же-с?

– А так. Придет ко мне мужик деньги клянчить, а я ему: нету настроения с тобой говорить! Пошел вон! – и в шею его со двора. Так и не плачу...

– Хм. А не пожгут вас мужички?

– Да ну, пустое...

Генерал удивленно покачал головой, а молодой граф поднатужился и выпустил в лепной потолок плотное кольцо табачного дыму. После чего гостям был предложен лафит.

– И еще, государь.

– Да?

– Бунт, государь.

– Так-так?

– В Tobольской губернии, ваше величество, холопы-дизайнеры согнули две березы, к одной привязали своего барина, а к другой его гениталии. Потом березы отпустили. Называют сие «оккупай березу».

– Вот шельмы! О-хо-хо! (император сдержанно хохотнул). Чем же они недовольны?

– Барин-де задолжал им за пэкшоты.

– И много ль?

– Сорок рублей с копейками.

– О-хо-хо! Значит так: барина – в Сибирь, холопов-шельм – на кол, деньги – в казну.

– Слушаю, ваше величество... – канцлер отметил золотым карандашом и перевернул лист. – Из заморских новостей: в государствах Америки поговаривают о выходе нового ай-патефона...

– Ох, батюшка, Пантелей Иваныч!

– А?.. Это ты?..

– Батюшка, Пантелей Иваныч! Я вам покушать принесла... Вы тут уже неделю без горячего!

– Нельзя мне, Авдотья, покушать. Жопа-то колом занята – покушаю и лопну...

Крестьянка закрылась передником и некоторое время молча трясла плечами перед торчащим посреди двора мужем. Потом выпрямилась, протерла лицо кулаком.

– Из Маркетово приходили, Пантелей Иваныч. Христом Богом просят сделать им к Покрову пэкшот по типу польского. Я и аванс с них взяла. Сделаете? Руки то у вас вроде не заняты?

Дизайнер покрутился на своем колу, вздохнул и пожал плечами:

– К Покрову-то? Да чё... Можно...

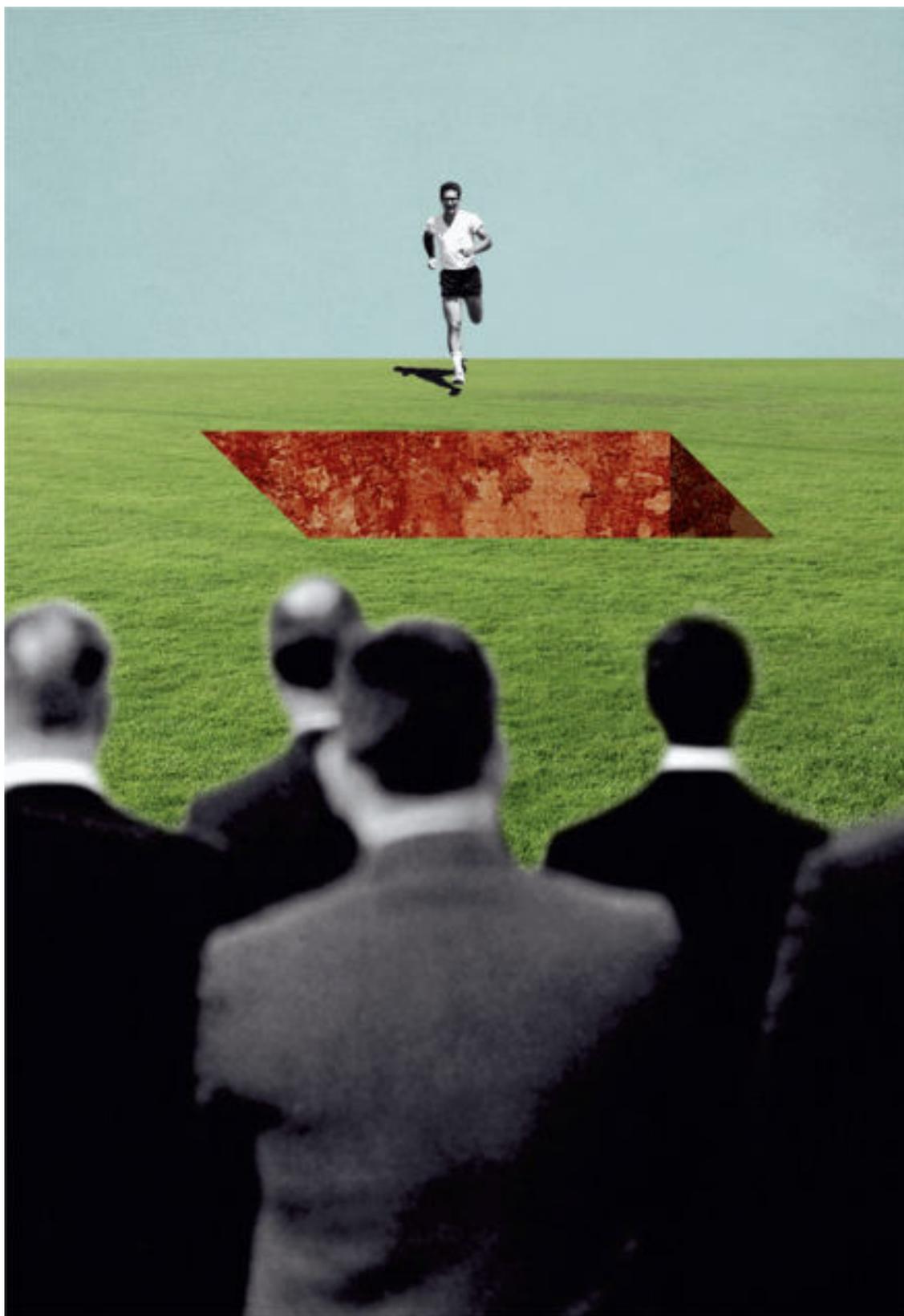
* * *

Дизайнер Пантелей проживет на колу еще 26 лет, и сделает около 5000 пэкшотов, некоторые из которых и сейчас можно встретить в экспозициях областных музеев народных промыслов Тюмени.

Граф Адольф умрет на пересыльном этапе Иркутск – Кукома от холода и тоски.

Последними его словами будут: «Вот тебе, Алекс, и три пэкшота...».

Государь император за время своего правления соберет всю линейку ай-патефонов, однако особой народной любви ему это так и не принесет.

Почему мы уверены в качестве наших роликов

Сначала мы смотрим ролик со звуком с начала до конца.

Очень внимательно, не моргая.

Потом мы смотрим его в обратной промотке – тоже несколько раз.

Я знаю, что в некоторых компаниях ролики распечатывают по кадрам на цветном принтере и развешивают по офису – вместо этого мы смотри его на 3Д-кинопроекторе 16К по кадрам.

Используя такую технику, мы можем засечь на общем плане отражение в зрачке актера массовки – вдруг там промелькнет проезжающий за кадром автомобиль, в салоне которого сидит кот в шапочке цвета конкурирующего бренда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.